Раненый «Кобзарь»

(КАК ЦАРСКАЯ ЦЕНЗУРА «ВОЕВАЛА» С ЗАПОРОЖЬЕМ).

Первый «Кобзарь», увидевший свет в апреле 1840 года, имел десять ран — в десяти местах книги вместо поэтических строк стояли ряды точек. Это были следы вмешательства царской цензуры. Словно бы следы от пуль...

Почти полтораста лет спустя после выхода «Кобзаря» давайте попробуем проанализировать, чем вызваны эти купюры, против чего воевала цензура, что ее более всего пугало. Результат будет неожиданным. Царские службы опасались прежде всего Запорожья. Перо цензора было особенно беспощадно там, где поэт обращался к теме Запорожской Сечи, воспевал «казачью славу», так называемую «гетманщину».

Как известно, запорожская струна на лире или, точнее, кобзе Т. Шевченко была едва ли не самая звонкая. И не только потому, что поэт в 1843 году посетил Запорожье. Есть все основания утверждать, что мысленно, воображением, душой он был здесь всю свою сознательную жизнь. И если мы сегодня отмечаем, что в произведениях великого Кобзаря термин «Запорожжя» встречается 14 раз, «запорозький» — 16, а «запорожець» — 44 раза, то это не просто занимательная арифметика. Это свидетельство большой любви поэта к запорожскому краю, искреннего восхищения его легендарной историей. К этому добавим, что рука Шевченко 6 раз вывела слово «Хортиця», 7 раз — «Великий Луг», 23 раза — слово «Січ», которое у него почти всегда было синонимом понятия «Запорожжя».

Этой сыновней любовью к «Запорожжю людославному» овеяны и страницы первого «Кобзаря» Т. Шевченко. Разумеется, это было явным вызовом официальной политике, объявившей Запорожскую Сечь «бандой разбойников и пьяниц». Цензор П. Корсаков, который имел реноме более-менее либерального (не зря ему доверял судьбу некоторых своих произведений сам А. С. Пушкин), почувствовав это, сразу же дал ход своему геростратовому перу.

Лишь в поэме «Катерина» вымарывания можно объяснить соображениями, так сказать нравственного толка. Однако не все. Вот, например, какие строки Т. Шевченко не пустил к читателю цензор в четвертой главе поэмы:

Попід горою, яром, долом,
Мов ті діди високочолі.
Дуби з гетьманщини стоять,
У яру гребля, верби вряд.
Ставок під кригою в неволі
І опопонка — воду брать...
Мов покотьоло червоніє,
Крізь хмару — сонце
зайнялось.
Надувся вітер: як повіє —
Нема нічого: скрізь біліє...
Та тільки лісом загуло.

Казалось бы, что тут крамольного? Обыкновенный зимний пейзаж. Но царского слугу вероятнее всего напугало упоминание «гетьманщини».

Жестокие удары нанесла цензура стихотворению Т. Шевченко «До Основ'яненка». Здесь было безжалостно вычеркнуто почти двадцать строк, которые фактически являлись сердцевиной произведения, его доминантой. Вот они:

«Не вернуться! —
Заграло, сказало
Синє море. — Не вернуться,
Навіки пропали!»
Правда, море, правда,
синє!

Такая їх доля:
Не вернуться сподівані,
Не вернеться воля.
Не вернуться запорожці,
Не встануть гетьмани,
Не покриють Україну
Червоні жупани!

Та більше не будем!
Тії слави козацької
Повік не забудем!

Еще через страницу произведение, кажется, кровоточит: что называется «с мясом» вырваны двадцать строк поэта, написанных в минуту самого высокого вдохновения и величайшей скорби:

Україно, Україно!
Серце моє, ненько!
Як згадаю твою долю,
Заплаче серденько!
Де поділось козачество,
Червоні жупани!
Де поділась доля-воля,
Бунчуки, гетьмани!
Де поділися! Згоріло,
А чи затопило
Синє море твої гори,
Високі могили!
Мовчать гори, грає море,
Могили сумують,
А над дітьми козацькими
Поганці панують.
Грай же, море, мовчіть,
гори!

Обідрана, сиротою
Понад Дніпром плаче:
Тяжко-важко сиротині,
А ніхто не бачить...
Тільки ворог, що сміється...
Смійся, лютий враже!
Та не дуже, бо все гине...

Впрочем, цензора можно понять: придворная историография осыпает запорожскую вольницу проклятиями, а сей малороссийский поэт убивается, что «не вернуться запорожці!». И еще: Россия «благоденствує», а автор «Кобзаря» пишет о какой-то сиротке да еще угрожает: «Смійся... та не дуже». Уж не самому ли царю-батюшке угрожает наглец?

Какие строки цензор вычеркнул после слов Т. Шевченко «слава козацькая на всім світі стала», мы до сих пор не знаем: они так и не были восстановлены.

Неизвестно, почему цензор пощадил «Івана Підкову» (надоело кромсать?). Он пропустил даже слова о том, как «було колись — запорожці вміли панувати» и «було добре колись жити на тій Україні». Зато цензор отыгрался на «Тарасовій ночі». Нетрудно проследить, что особое его негодование вызывали слова великого Кобзаря, обращенные к Запорожью. Уже в самом начале поэмы зияет рана — вымараны строки:

Була колись гетьманщина,
Та вже не вернеться.
Було колись — панували.
Гуляй, буйний, полем!
Плачте, діти козацькії, —
Така ваша доля!

Уже на предпоследней странице «Кобзаря» обнаруживаем еще одно бесцеремонное вмешательство цензорского пера: уничтожены строки поэта «Згада козак гетьманщину, згада та й заплаче!».

Следует отдать должное П. Корсакову: он безошибочно определил главную ноту «Кобзаря» Т. Шевченко и пытался во что бы то ни стало приглушить ее. Строки, вычеркнутые цензором, в самом деле несли в себе Прометеев огонь, революционный заряд и были страшны для самодержавия. Со временем это понял и жандармский генерал Дубельт, который, к примеру, «анализируя» поэму «Тарасова ніч», особо отмечал, что она написана с явной целью сравнения прошлой Малороссии с современностью. Вероятно, не в пользу «тюрьмы народов» было такое сравнение. И хотя прошлое Запорожья Кобзарь изображал до некоторой степени идеализировано, для нас крайне важно, что именно оно служило отправной точкой, стартовой площадкой мечты Шевченко о счастье родной земли. Нет сомнения, что именно «запорозство» (есть и такой термин у поэта) было прообразом «сім'ї вольної, нової», которую он вынашивал в сердце всю жизнь.

Петро РЕБРО.